

ВЛИЯНИЕ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ ЕС НА ТОРГОВЛЮ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЯМИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕЕ КЛЮЧЕВЫМИ ПАРТНЕРАМИ

Светлана БАЛАХОНОВА, Екатерина КНЯЗЬКИНА,
Екатерина АРАПОВА
МГИМО МИД России

Аннотация: Российская энергетическая отрасль является объектом санкций ЕС с 2014 г. С февраля 2022 г. Европейский союз ввел серию беспрецедентных ограничений, затрагивающих торговлю российским топливом – весьма чувствительную для обеих сторон сферу, в которой каждая из них имеет прагматический интерес. Установление в 2022 г. «потолка» цен на нефть явилось апогеем санкционной политики объединения в отношении российского топливно-энергетического комплекса, став одной из самых жестких мер за всю историю антироссийских ограничений ЕС в области энергетики. С целью адаптации к новым реалиям направления экспорта российской нефтяной отрасли были переориентированы из Европы в Азию. Санкционная политика Европейского союза в отношении российского ТЭК и оценка ее влияния на мировой рынок энергетики находятся в фокусе внимания ряда отечественных и зарубежных исследователей. Вместе с тем недостаточно изученными остаются вопросы эффективности российской стратегии адаптации к ограничениям ЕС в данной сфере, а также влияние этой стратегии на ключевых торговых партнеров России. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы выявить, какое воздействие санкции ЕС в отношении российского топливно-энергетического комплекса оказывают на торговлю энергоносителями между Россией и ее основными контрагентами; отразить современные

Светлана Игоревна Балахонова – младший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0009-2857-4405. E-mail: s.balakhonova@inno.mgimo.ru
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Екатерина Сергеевна Князькина – младший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0003-4709-8949. E-mail: e.s.knyazkina@yandex.ru
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Екатерина Яковлевна Арапова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований; заместитель декана Факультета международных отношений, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-8765-9825. E-mail: arapova_katrin@mail.ru
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 22.05.2024

Принята к публикации: 16.09.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Института международных исследований МГИМО МИД России, проект № 2025-04-06.

тенденции торговых отношений России с Китаем, Индией и Турцией в области энергетики; оценить эффективность российской стратегии адаптации к новым реалиям. В результате проведенного анализа авторы приходят к следующему выводу: в краткосрочной перспективе отечественной нефтяной отрасли удалось оперативно отреагировать на возникшие вызовы, что стало возможным за счет предоставления значительных скидок новым партнерам. В ходе применения данной стратегии адаптации российской экономики к актуальным условиям на мировом энергорынке определился круг ключевых бенефициаров последствий санкционной политики ЕС: Индия, Китай и Турция.

Ключевые слова: санкционная политика, санкции в области энергетики, топливно-энергетический комплекс, торговля энергоносителями, Россия, ЕС, Китай, Индия, Турция

С 2014 г. Европейский союз проводит в отношении России политику ограничительных мер, ряд которых направлен против российского топливно-энергетического сектора. Поскольку избранный курс затрагивает совокупность наиболее чувствительных для объединения сфер, его имплементация носит селективный характер и учитывает прагматические интересы, что выражается в использовании стратегии «выборочного взаимодействия».

Введение ценового «потолка» на нефть стало апогеем санкционного давления на российский энергетический сектор. И хотя применение этого инновационного инструмента имеет ряд ограничений (что в свою очередь свидетельствует о наличии определенных сдерживающих факторов в санкционной политике ЕС на данном направлении), оно способствовало адаптации российской энергетической отрасли к новым условиям, тем самым оказав влияние как на саму Россию, так и на ее ключевых торговых партнеров, включая Индию, Китай и Турцию.

Санкционная политика ЕС в отношении российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и дискуссия о ее влиянии на мировой энергетический рынок уже находятся в фокусе внимания российских и зарубежных исследователей.

Особое место в работах отечественных специалистов занимает анализ рисков для экономики, в числе которых влияние «потолка» цен на перспективы реализации российского топлива на мировом рынке. Так, А.В. Голубчик и Е.В. Пак приходят к выводу о том, что полное вытеснение российской нефти из международной торговли маловероятно (Голубчик & Пак, 2023). Некоторые авторы обращают внимание на инструментальный характер энергетической политики ЕС и России и ставят под сомнение вероятность сохранения их взаимозависимости в условиях глубокого ценностно-политического разрыва (Боровский, 2023а; Боровский, 2023b). Отдельный блок исследований посвящен выявлению ключевых бенефициаров санкционной политики ЕС в энергетической сфере, среди которых США, Великобритания, Катар, Норвегия, Индия, Китай, ОАЭ и Саудовская Аравия (Nguyen & Khominich, 2024).

Одни зарубежные специалисты фокусируются на оценке результативности применения экономического инструментария ЕС с точки зрения его влияния на поведение России (Schmidt-Felzmann, 2019). Другие изучают распределение экономических эффектов санкций для России и для государств, входящих в состав объединения, заключая, что для первой последствия примерно в пятнадцать раз более ощутимы, чем для второго. При этом между его странами – участницами эффекты распределены неравномерно – в Восточной Европе они более выражены, что, помимо прочего, связано с отсутствием необходимой инфраструктуры и большей энергетической зависимостью (Giumelli, 2017; Imbs & Pauwels, 2023). Ряд иностранных экспертов на примере введенных Европейским союзом ограничений в области энергетики оценивает степень его субъектности на международной арене сквозь призму возможности проводить согласованную политику и отвечать на внешние вызовы. Авторы приходят к следующему выводу: рестриктивные меры неразрывно связаны с другими компонентами и инструментами общей политики ЕС; возникающие разногласия между государствами-членами относительно принятия новых пакетов санкций в энергетической сфере обусловлены опасениями, связанными с безопасностью поставок, географическими ограничениями или реализацией коммерческих интересов (Giumelli, 2021; Portela, 2021; Batzella, 2024).

Таким образом, в отечественной и зарубежной литературе рассматривается эффективность санкций ЕС в области энергетики, их место в общей политике объединения, а также влияние на Россию и на третьи страны (преимущественно в разрезе компаний). Вместе с тем сохраняются лакуны в понимании амбивалентной природы санкционной политики ЕС, в рамках которой вводимые ограничения соизмеряются с прагматическим интересом. Недостаточно изученными остаются вопросы эффективности российской стратегии адаптации к ограничительным мерам ЕС в сфере энергетики, а также влияния этой стратегии на ключевых торговых партнеров России. Отдельно следует отметить политизированность зарубежной аналитики по данной проблематике.

Настоящее исследование представляет собой попытку более объективно оценить влияние санкций ЕС в отношении российского ТЭК на торговлю энергоносителями между Россией и ее ключевыми торговыми партнерами, выявить актуальные тенденции сотрудничества России с Китаем, Индией и Турцией в области энергетики и дать оценку эффективности стратегии адаптации России к новым реалиям.

Место российского топливно-энергетического комплекса в санкционной политике ЕС в отношении России с 2014 г.

Проводя всеобъемлющую санкционную политику против России с 2014 г., Европейский союз сохраняет удивительную степень единства и устойчивости, несмотря на разногласия между входящими в его состав государствами, перманентные опасения и скепсис относительно возможности достичь соглашения о продлении санкций в будущем. Любые же предложения о заключении

энергетических и торговых сделок, поступающие со стороны России непосредственно в адрес членов Евросоюза, рассматриваются как попытка внести раскол в объединение.

При проведении санкционной политики в отношении России ЕС руководствуется в том числе принципами, оформленными в Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности Европейского союза 2016 г.¹, среди которых для последующего анализа можно выделить следующие:

- повышение устойчивости к внешним угрозам, включая гибридные, а также в энергетической и информационной сферах;
- стремление к «выборочному взаимодействию» с Россией в тех сферах, где присутствует явный интерес ЕС (климатическая повестка, Арктика, обеспечение безопасности на море, образование, наука, трансграничное сотрудничество).

Данные принципы представляют собой комбинацию защитных мер и избирательного применения силы, оставляя пространство для реализации собственного прагматического интереса и поиска компромисса между государствами-членами. В этих условиях проведение санкционной политики по-прежнему воспринимается как целесообразное, возможностей для каких-либо существенных изменений в отношениях с Россией не просматривается. Политика ЕС на соответствующем направлении основывается на сдерживании и экономических санкциях, признаки готовности идти на компромисс отсутствуют. Взаимное разочарование, вероятно, останется ключевой характеристикой двусторонних отношений в кратко- и среднесрочной перспективе. Взаимодействие в сфере торговли топливно-энергетическими ресурсами не является исключением.

Комплементарное положение ЕС – как основного потребителя энергоресурсов – и России – как их основного поставщика – в двусторонних торговых отношениях обусловило состояние взаимозависимости, что вкупе с географической близостью привело к возникновению проблемных вопросов в области энергетики. Взаимодействие ЕС и России в данной сфере исторически характеризовалось сочетанием обоюдной зависимости, сотрудничества и некоторой напряженности (Goldthau & Sitter, 2015; Prontera, 2017; Siddi & Kustova, 2021) и рассматривалось в терминах безопасности (имеется в виду прежде всего стремление к снижению рисков для поставок в ЕС и включение энергетической независимости в число целей внешней политики) (Casier, 2011). В силу перечисленных обстоятельств санкционная политика, инициированная в 2014 г. и достигшая своего апогея в 2022 г., влияет на динамику отношений ЕС и России в энергетической сфере и ведет к обострению имеющихся в последнее время проблем. При этом рестрикции характеризуются

¹ *European External Action Service* (2016) A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy "Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe." Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 8 October 2024).

амбивалентностью, поскольку затрагивают наиболее чувствительную как для России, так и для ЕС область, в которой до февраля 2022 г. происходило наиболее тесное взаимодействие сторон, разделяющих прагматический интерес.

Отмеченные обстоятельства выступают в роли ограничительных факторов санкционной политики ЕС в данной сфере. В то время как США, например, могут ввести рестриктивные меры против России с относительно небольшим ущербом для собственной экономики («сланцевая революция» превратила Соединенные Штаты в ведущего экспортера нефти и газа (Боровский, 2023b)), подход ЕС требует большей осмотрительности.

Так, начиная с весны 2022 г., на фоне витка напряженности в отношениях с Россией Европейский союз утвердил серию санкционных пакетов, в которых в качестве объекта фигурировал и российский энергетический сектор. Примечательно, что в большинстве случаев введение рестрикций не сопровождалось существенными разногласиями между государствами – членами объединения, чего, впрочем, нельзя сказать об ограничительных мерах в отношении импорта нефти и услуг по ее транспортировке. Они были включены в шестой санкционный пакет, принятый с определенным временным лагом по сравнению с предыдущими пятью². Отсутствие единодушия по вопросу санкций ЕС в энергетическом секторе было связано с различными факторами, в том числе с уровнем энергетической зависимости от России и коммерческими интересами отдельных государств, входящих в состав Европейского союза.

Тем не менее подобные шаги демонстрируют, что на стратегическом уровне государства – члены ЕС способны проявлять солидарность, даже если речь идет об интересах в энергетической сфере, и идти на весьма серьезные жертвы, когда на кону оказываются ценностные установки так называемого западного мира (Боровский, 2023b).

Новым санкционным инструментом стал законодательный механизм для установления предельной цены на российскую нефть (*pricetap*). В целях его соблюдения был введен запрет для лиц, находящихся в юрисдикции государств-инициаторов (включая членов ЕС), перевозить нефть российского происхождения и оказывать сопутствующие услуги в виде страхования и финансирования, если ее конечная стоимость будет превышать предписанный лимит³.

Установление ценового «потолка» на нефть стало своего рода кульминацией санкционной политики в отношении российского ТЭК. Однако стоит иметь в виду, что торговля нефтью в сравнении с торговлей газом никогда

² *Center for Strategic and International Studies* (2022) European Union Prepares to Ban Russian Oil. Available at: <https://www.csis.org/analysis/european-union-prepares-ban-russian-oil> (accessed 8 October 2024).

³ *European Commission* (2024) Oil Price Cap. Related Provision: Article 3 of Council Regulation 833/2014. Available at: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2024-01/guidance-russian-oil-price-cap_en.pdf (accessed 8 October 2024).

не являлась полем тесного взаимодействия России и ЕС. Кроме того, более радикальные ограничения по данному направлению отсутствуют. Из этого следует, что, несмотря на стремление к снижению топливной зависимости (Кавешников, 2011) и секьюритизацию энергетической сферы (Потемкина, Кавешников & Кондратьева, 2012), обуславливающую весь санкционный курс, Европейский союз принимает в расчет свой прагматический интерес при введении новых рестрикций и их законодательном закреплении на уровне объединения. По этой причине ограничительные меры коснулись лишь угля, нефти и нефтепродуктов, оставив нетронутыми такие важные компоненты торговли между ЕС и Россией, как газ и атомная энергетика.

Вместе с тем применение санкций в отношении российского ТЭК, а также использование новой для ЕС практики тиражирования вторичных санкций за нарушение режима⁴ не только оказали влияние на двустороннее взаимодействие в энергетической сфере, но и послужили импульсом для изменений на мировом энергетическом рынке, побудив Россию искать новых крупных торговых партнеров. К настоящему времени определился круг основных бенефициаров последствий санкционной политики ЕС.

Влияние санкционной политики ЕС в отношении российского ТЭК на торговлю энергоносителями между Россией и ее ключевыми торговыми партнерами

Переориентация направлений российского экспорта энергоносителей

Установление «потолка» цен на российскую нефть и нефтепродукты сопровождалось неопределенностью относительно того, как данный механизм будет работать, что вкупе с риском возникновения дефицита оказало существенное влияние на перспективы участия России в мировой экономической системе.

Несмотря на беспрецедентно жесткие ограничения ЕС, критического сокращения производства и продаж российской нефти не произошло: в 2022 г. суточный объем добычи увеличился на 1,8% по сравнению с 2021 г., при этом на протяжении 2013–2023 гг. этот показатель возрастал в среднем на 0,2% ежегодно⁵. В 2022 г. физический объем поставок нефти из России в ЕС уменьшился на 17% относительно среднего уровня 2020–2021 гг., а в 2023 г. – в 6 раз⁶. Если в 2021 г. на западные страны, включая членов ЕС, приходилось более половины российского экспорта нефти (около 57%), то по итогам 2022 г. их доля снизилась до 38%, а по итогам 2023 г. – до 9%. По состоянию на 2024 г. Россия поставляет нефть только в те страны ЕС, которые получили исключение

⁴ Council of the EU (2022) Council Regulation (EU) 2022/1905 amending Regulation (EU) No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1905> (accessed 8 October 2024).

⁵ The Energy Institute Statistical Review of World Energy (2024) Available at: https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf (accessed 8 October 2024).

⁶ Bruegel Datasets (2022) Russian foreign trade tracker. Available at <https://www.bruegel.org/dataset/russian-foreign-trade-tracker> (accessed 11 September 2024).

из эмбарго: в Болгарию, Чехию, Словакию и Венгрию. Благодаря скидкам потоки нефти были переориентированы из Европы в Азию. Основными покупателями российской нефти на сегодняшний день являются Китай, Индия и Турция: объем экспорта нефти в Китай в 2023 г. увеличился на 25% по сравнению с 2021 г. (с 80 до 100 млн т), в Индию – в 35 раз (с 2 до 70 млн т), в Турцию – в 2,5 раза.⁷

Показатели экспорта российского природного газа в КНР по трубопроводу повысились на 49% в 2022 г. и в 1,5 раза в 2023 г.; объемы экспорта сжиженного природного газа (СПГ) также демонстрировали рост: на 35,2% в 2022 г. и на 23% в 2023 г.⁸ На ближайшие годы планируется углубление стратегического газового партнерства между Россией и Китаем, чему в значительной степени может поспособствовать развитие транспортной инфраструктуры (в частности, строительство газопровода «Сила Сибири – 2»).

Тем не менее рост поставок в страны Азии оказался недостаточным для того, чтобы в полной мере избежать падения объемов добычи и экспорта нефти и газа. Так, объем добычи природного газа в 2022 г. сократился на 12%, объем экспорта – на 25%. В то же время показатели производства и продажи СПГ возросли: на 8,1 и 7,9% соответственно.⁹

Среди аспектов негативного влияния санкционной политики ЕС на российский ТЭК следует выделить риск падения объемов производства нефтепродуктов, которые были востребованы в первую очередь на рынках ЕС. В Азии существуют свои центры переработки нефти, поэтому при переориентации экспорта российских энергоресурсов на восток риск сокращения объемов нефтепереработки выше, чем добычи сырой нефти. Тем не менее некоторые страны все же проявляют интерес к закупке российских нефтепродуктов. Так, после закрытия доступа на рынок ЕС основными направлениями экспорта нефтепродуктов из России стали Турция, Бразилия, некоторые страны Азии и Африки (Ливия, Марокко, Нигерия, Гана)¹⁰.

При этом следует учитывать, что объемы потребления нефтепродуктов в странах, в пользу которых происходит переориентация российского экспорта, не достигают уровня спроса европейской экономики¹¹. Более того, за эти объемы российские экспортеры вынуждены конкурировать с поставщиками

⁷ *Invest Heroes research portal* (n.d.) Available at <https://portal.invest-heroes.ru/analytics/shares?market=rus§or=D0%9D%D0%B5%D1%84%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B0%D0%B7> (accessed 8 October 2024).

⁸ Kardaš S. (2023) Conscious uncoupling: Europeans' Russian gas challenge in 2023. In: *European Council on Foreign Relations*. Available at: <https://ecfr.eu/article/conscious-uncoupling-europeans-russian-gas-challenge-in-2023/> (accessed 8 October 2024).

⁹ *Росстат* (2023) Динамика промышленного производства в 2022 году. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/196621> (дата обращения: 09.10.2024); Российский ТЭК 2022: вызовы, итоги и перспективы (2023) *Энергетическая политика*, 13 декабря. Available at: <https://energypolicy.ru/rossijskij-tek-2022-vyzovy-itogi-i-perspektivy/business/2023/12/13/> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁰ Россия поставила рекорд по поставкам нефтепродуктов по морю (2023) *Lenta.ru*, 5 апреля. Available at: <https://lenta.ru/news/2023/04/05/mnogo/> (дата обращения: 09.10.2024).

¹¹ Расчеты авторов по данным *The Energy Institute* (2024) Statistical Review of World Energy. Available at: https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf (accessed 8 October 2024).

из Азии, исторически присутствовавшими на данных рынках. Предоставление дополнительных скидок в экономических (необходимость продать уже добытую нефть) и политических (стремление укрепить связи с дружественными государствами) целях позволяет покупателям получать дополнительную выгоду, в то время как доходы российского бюджета сокращаются.

Влияние на ключевых торговых партнеров России

Для того, чтобы адаптироваться к новым ограничениям после санкционной волны 2022 г., Россия перенаправила основные потоки торговли энергоносителями в Турцию, Индию и Китай. Следует, однако, признать, что перспективы переориентации экспорта углеводородов с европейского рынка на азиатский остаются неоднозначными в силу ограниченных возможностей логистической инфраструктуры России, в частности, подходящей для обеспечения поставок газа в Восточную и Южную Азию.

Необходимо отметить, что на конфигурацию мирового энергетического рынка оказывают влияние не только ограничения, введенные ЕС непосредственно в отношении российского ТЭК, но и возможность применения вторичных санкций. Так, китайские и индийские компании объявляют¹² о прекращении закупок российской нефти именно в связи с этими опасениями. Впрочем, определенный люфт остается, поскольку европейские и американские регуляторы заявляют о том, что продукты нефтепереработки, произведенные из российского сырья за пределами России, не будут считаться российскими¹³; это открывает окно возможностей для компенсации издержек, возникших в результате отказа некоторых контрагентов от сотрудничества, и восстановления объемов экспорта российской нефти на рынки Азии. В целом, на данный момент эффективность «потолка» обусловлена возможностью контролировать оказание услуг по страхованию и вводить вторичные санкции в отношении предприятий, которые нарушают установленные условия.

Влияние на торговлю энергоносителями между Россией и Индией

В 2022 г. взаимодополняемость России и Индии в энергетическом секторе была обусловлена внешними факторами, в первую очередь антироссийскими санкциями, которые привели к существенному росту мировых цен на углеводороды и перебоям в поставках. В июне 2022 г. Россия опередила Ирак и Саудовскую Аравию по объемам продажи нефти на индийском

¹² Будрис А. (2023) Россия перенаправила нефть в Китай и Индию: достаточно ли этих двух рынков. *Forbes*, 3 апреля. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/486911-rossia-perenapravila-neft-v-kitaj-i-indiu-dostatochno-li-etih-dvuh-rynkov?ysclid=m229zqheqt478941821> (дата обращения: 09.10.2024); Индия отказывается от нефти из России: кто станет новым покупателем. *Рамблер / финансы*, 20 марта. Available at: <https://finance.rambler.ru/economics/52465699-indiya-otkazyvaetsya-ot-nefti-iz-rossii-kto-stanet-novym-pokupatelem/?ysclid=m229zynaqh448270734> (дата обращения: 09.10.2024).

¹³ *European Commission* (2024) Oil Imports. Related Provisions: Article 3m and Article 3n of Council Regulation 833/2014. Available at: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2023-08/faqs-sanctions-russia-oil-imports_en.pdf (accessed 8 October 2024).

рынке. Нефтехимическая промышленность Индии – одна из наиболее развитых в Азии, на нее приходится около 12% экспорта страны, и в настоящее время до 15% продукции отрасли производится из российского сырья¹⁴.

Согласно данным статистического обзора нефтяной компании *BP*, по состоянию на 2021 г. 57% потребляемой Индией энергии приходилось на уголь и 27% – на нефть¹⁵. В 2022 г. Россия существенно нарастила поставки обоих видов топлива в Индию. Так, объем экспорта угля увеличился в 3,6 раза – с 2,35 до 8,43 млн тонн¹⁶. Столь заметный рост продаж на фоне рекордных мировых цен на уголь был обеспечен значительным дисконтом, к которому были вынуждены прибегнуть российские экспортеры, чтобы выдержать конкуренцию с поставщиками из Австралии и Южной Африки. В июле 2022 г. скидка на российский уголь составляла около 50% от его стоимости на мировом рынке, а в октябре достигла 70%¹⁷. Тем не менее реализация больших объемов продукции в долгосрочной перспективе представляется маловероятной: Индия планирует наращивать внутреннее производство угля и сокращать его импорт.

Аналогичным образом со значительным дисконтом закупается российская нефть: после установления «потолка» цен в декабре 2022 г. скидка на продукцию марки *Urals* к цене сорта *Brent* увеличилась с 10–11 до 12–15 долл.¹⁸ США. Это означает, что в некоторых случаях российское топливо продавалось по цене ниже себестоимости. Индия официально не присоединилась к решению «Группы семи» о предельной цене на российскую нефть, однако банки страны рекомендовали нефтеперерабатывающим заводам (НПЗ) не покупать сырье из России по стоимости, превышающей установленный лимит. Государственный банк Индии (*State Bank of India*) и Банк Бароды (*Bank of Baroda*) предупредили местные НПЗ, что не будут проводить платежи за энергоресурс в случае несоответствия «потолку» цен¹⁹. Несмотря на это, в 2023 г. Индия стала вторым (после КНР) по величине импортером необработанной нефти из России с долей в 34%²⁰.

¹⁴ *Petro-logistics* (2022) The Indian Oil Bridge Between Russia and its Sanctioners. Available at: <https://www.petro-logistics.com/blog/posts/the-indian-oil-bridge-between-russia-and-its-sanctioners/> (accessed 8 October 2024).

¹⁵ *BP* (2022) Statistical Review of World Energy. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-india-insights.pdf> (accessed 8 October 2024).

¹⁶ Щукин П. (2023) Россия с помощью скидок утроила поставки угля в Индию. (2023) *Lenta.Ru*, 10 января. Available at: <https://lenta.ru/news/2023/01/10/three/?ysclid=m22aohb23t158928512> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кагалтынов Э. (2022) РФ продает в Индию нефть по цене значительно ниже потолка. *Коммерсантъ*, 14 декабря. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5721562> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁹ *Vortexa* (2023) Crude Analytics. Available at: <https://www.vortexa.com/product-crude-oil/> (accessed 8 October 2024).

²⁰ *The Energy Institute* (2024) Statistical Review of World Energy. Available at: https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf (accessed 8 October 2024).

Несмотря на очевидную экономическую выгоду от закупки дешевого российского сырья, риск применения вторичных санкций вызывает в Дели определенные опасения, на фоне которых со стороны представителей дипломатических структур ЕС звучат призывы к принятию в отношении нее дополнительных мер²¹. Необходимость подобных шагов мотивируется тем, что Индия наращивает импорт российской нефти, которая затем может поступать на территорию государств – членов объединения. При этом индийские продукты нефтепереработки востребованы на европейском рынке, собственных мощностей которого недостаточно для покрытия внутреннего спроса.

Таким образом, в 2022 г. более 70% энергопотребления в Индии обеспечивалось по ценам, значительно более выгодным в сравнении с мировыми²². Использование относительно дешевого топлива для выработки электричества позволяет снизить себестоимость производства в энергопотребляющих отраслях, таких как черная и цветная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность, машиностроение, легкая промышленность. Россия конкурирует с Индией в торговле продукцией всех перечисленных отраслей: сталью, прокатом, трубами, алюминием, медью, удобрениями, графитированными электродами, шинами для автомобилей и спецтехники, нефтепродуктами, продовольственными и сельскохозяйственными товарами. Предоставляя скидки на энергоносители, Россия, с одной стороны, обеспечивает сбыт сырьевых товаров, а с другой – потенциально снижает конкурентоспособность продукции собственной обрабатывающей промышленности. В условиях торговых ограничений, введенных западными государствами, на которые традиционно был ориентирован российский экспорт данных товаров, это оказывает существенное влияние на положение соответствующих производителей и экспортеров.

Неясной остается перспектива сохранения тенденции к увеличению объемов двусторонней торговли нефтью: Дели стремится избежать зависимости от российского топлива, постепенно увеличивая закупки в других странах, в том числе в Ираке. Кроме того, Индия выражает намерение соблюдать установленный западными государствами «потолок» цен, в связи с чем продолжение сотрудничества с Россией все в большей степени обуславливается готовностью последней к предоставлению скидок. Ведущиеся переговоры по созданию зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Индией пока не могут рассматриваться как потенциальная гарантия продолжения сбыта российских энергоресурсов. В то же время рост экспорта нефти в страну при отсутствии сопоставимого по объему встречного импортного потока создает валютный дисбаланс в двусторонней торговле.

²¹ Боррель считает обходом санкций закупки Индией российской нефти. И теперь грозит санкциями Индии. (2023) *Бизнес FM*, 16 мая. Available at: <https://www.bfm.ru/news/525470> (дата обращения: 09.10.2024).

²² Рассчитано авторами по данным *Enerdata* (n.d.) India Energy Information. Available at: <http://surl.li/tthofu> (accessed 9 October 2024).

Влияние на торговлю энергоносителями между Россией и Китаем

Россия поставляет нефть в Китай по магистральному трубопроводу Восточная Сибирь – Тихий океан, транзитом через Казахстан, а также танкерами; значительная часть углеводородов отправляется морем из Козьмино в порты на севере Китая. По итогам 2022 г. объем экспорта нефти в КНР увеличился на 8,2% в физическом выражении и на 43,9% – в стоимостном; Россия заняла второе после Саудовской Аравии место по поставкам этого энергоресурса. В 2023 г. первая опередила вторую на 22%; Китай, в свою очередь, стал основным направлением российского экспорта (44%)²³.

В условиях сокращения поставок в ЕС Россия вынуждена продавать энергоресурсы азиатским потребителям со значительной скидкой, в то время как имеющейся инфраструктуры для экспорта в других направлениях недостаточно. Возникает риск образования монополии, поскольку России необходимо в срочном порядке сбывать высвободившиеся объемы нефти и газа. Попытки диверсифицировать маршруты поставок за счет строительства новых экспортных мощностей СПГ ограничиваются отсутствием доступа к западным технологиям.

Согласно прогнозам *ETRI*²⁴ в долгосрочной перспективе нефть и газ останутся доминирующими источниками энергии в Китае: их доля в первичной энергетической структуре сохранится на уровне 25% в 2040 г., из которых нефть будет составлять 13–14%, а природный газ – 11–12%, что несколько ниже текущего суммарного показателя в 27%. Вместе с тем в средне- и долгосрочной перспективе Китай будет стремиться адаптировать производство к «зеленым» стандартам для обеспечения экспорта товаров на рынок ЕС, где действует Механизм трансграничного углеродного регулирования (МТУР)²⁵, требующий предоставлять информацию об углеродоемкости продукции.

Тем не менее на данном этапе добыча природного газа внутри страны увеличивается медленно. Для восстановления экономики после коронавирусных ограничений требуются дополнительные объемы, что обуславливает наращивание импорта. Сокращать объемы закупок нефти в кратко- и среднесрочной перспективах Китай не спешит по двум причинам.

Во-первых, с 2002 г. в стране реализуется проект по созданию нефтяных резервов по аналогии с существующими в США. Во время снижения цен на энергоресурсы Китай пополняет запасы (как это было, например, в 2020 г. на фоне коронакризиса), а в периоды действия высоких цен расходует

²³ *The Energy Institute* (2024) Statistical Review of World Energy. Available at: https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf (accessed 8 October 2024).

²⁴ *S&P Global* (2023) China's natural gas demand to peak in 2040 at 605.9 Bcm: ETRI. Available at: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/lng/120823-chinas-natural-gas-demand-to-peak-in-2040-at-6059-bcm-etri> (accessed 8 October 2024).

²⁵ *EUR-Lex* (2023) Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj> (accessed 8 October 2024).

их на нужды внутреннего потребления (примером является период восстановительного роста цен на нефть в 2021–2022 гг.), что позволяет нивелировать влияние ценовых шоков на себестоимость нефтепереработки. Китай приобретает данный вид топлива только у тех поставщиков, которые предоставляют скидки, что обусловило рост закупок российской нефти в 2022 г.

Во-вторых, Китай обладает значительными мощностями для переработки нефти. В 2022 г. они были увеличены, и объем производства максимально приблизился к таковому в США²⁶. Китайская экономика сталкивается со структурным несоответствием, которое заключается в избыточных нефтеперерабатывающих мощностях и недостаточном предложении высококачественных нефтехимических продуктов²⁷. Новые проекты 2022 г., предполагающие увеличение импорта сырья, а значит, и выпуска продукции, могут поспособствовать устранению этого несоответствия.

Кроме того, приобретение топлива с дисконтом способствует снижению себестоимости продукции энергоемких отраслей промышленности КНР, а именно черной и цветной металлургии, производства удобрений. На мировом рынке китайские поставщики указанных групп товаров конкурируют с российскими. Из этого следует, что, как и в случае с Индией, сбыт нефтегазовых ресурсов в Китае по сниженным ценам способствует созданию неблагоприятных условий конкуренции для российских экспортеров неэнергетической продукции. Вкупе с активно используемыми в КНР механизмами господдержки данный фактор существенно осложняет переориентацию российского экспорта с рынков стран Запада на рынки «дружественных» стран Азии.

Так, снижение средней закупочной цены на природный газ и, как следствие, платы за электроэнергию, которая составляет до 35% затрат на производство тонны первичного алюминия, существенно влияет на стоимость готовой продукции. С одной стороны, это обеспечивает китайским товарам конкурентное преимущество, а с другой – рискует спровоцировать новый виток протекционизма, ограничивающего импорт из Китая, в тех странах, которые имеют собственную алюминиевую промышленность. Впрочем, в связи с санкциями против российского алюминия спрос на китайскую продукцию, вероятно, возрастет; в таком случае государства-импортеры будут склонны проводить более мягкую торговую политику в отношении Китая.

Таким образом, в условиях постковидного восстановления экономики и санкционного давления ЕС переориентация поставок энергоносителей на китайское направление, несмотря на необходимость значительных скидок, представляется целесообразной, поскольку в краткие сроки позволила сбыть имеющиеся объемы нефти. В средне- и долгосрочной перспективах Китай будет стремиться к снижению объемов импорта нефти и газа по ходу

²⁶ Enerdata (n.d.) Refined oil products production. Available at: <https://yearbook.enerdata.net/oil-products/world-refined-production-statistics.html> (accessed 9 October 2024).

²⁷ Globuc (2022) Китай запустил крупный нефтеперерабатывающий проект. Available at: <https://globuc.com/ru/news/kitay-zapustil-kрупnyy-neftepererab/> (дата обращения: 09.10.2024).

расширения электрификации внутренней транспортной инфраструктуры, а также по мере снижения уровня углеродоемкости при производстве товаров с целью поддержать конкурентоспособность собственной экономики и адаптировать ее к действию МТУР ЕС.

Влияние на торговлю энергоносителями между Россией и Турцией

Россия рассматривает Турцию как одного из ключевых партнеров по энергетическому сотрудничеству в Европе. В последние два десятилетия Турция демонстрирует наиболее быстрорастущий среди стран ОЭСР спрос на энергию, в мировом масштабе уступая лишь Китаю²⁸. При этом в части его удовлетворения страна в значительной степени зависит от импорта.

Турция также демонстрирует намерение стать «газовым хабом» посредством организации на своей территории транспортных магистралей, которые соединили бы страны ЕС с Россией, Восточным Средиземноморьем, Азербайджаном, Ираком, Ираном и Туркменистаном. Планы создания такого хаба в Турции прорабатываются уже давно, однако основной поставщик газа в Европу – Россия – до 2022 г. экспортировала газ по собственной инфраструктуре, и необходимость в посредниках отсутствовала. Падение поставок по данному маршруту на фоне санкционного давления придало планам Анкары новый импульс.

Значение «газового хаба» для Турции велико. Некоторые эксперты²⁹ полагают, что его создание окажет позитивное влияние на перспективы вступления государства в ЕС. Кроме того, турецкие промышленные предприятия, вероятно, будут иметь постоянный доступ к энергоресурсам по более низким ценам относительно тех, по которым он будет перепродаваться в другие страны, что повысит конкурентоспособность товаров внутреннего производства. Вместе с тем экономический эффект этого проекта будет в большей степени зависеть от способности истеблишмента договориться с поставщиками, а также от взвешенного подхода к ценовой политике в отношении подлежащего реэкспорту топлива. Усилия Турции сейчас сосредоточены не на наращивании объема импорта, а на создании механизма местного ценообразования и организации платформы для продажи. С тем чтобы обеспечить сбыт по приемлемой для европейского потребителя стоимости, турецкая сторона занимает жесткую позицию в переговорах с Россией: закупки уже осуществляются со скидкой и отсрочками оплаты, и, несмотря на это, Анкара рассчитывает добиться еще «более разумных цен» на газ³⁰. Как представляется,

²⁸ РСМД (2021) Россия и Турция: состояние и перспективы энергетического сотрудничества: рабочая тетрадь. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Turkey-Energy-WorkingPaper63.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

²⁹ Mironova I. (2023) Who Is The Main Beneficiary Of The Gas Hub In Turkey? *RussiaPost*, 13 November. Available at: https://russiapost.info/economy/gas_hub (accessed 9 October 2024).

³⁰ ТАСС (2023) Турция ожидает «более разумных цен» на газ из России в ближайшие годы. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/18756007> (дата обращения: 09.10.2024).

такой подход не в последнюю очередь определяется продолжающейся девальвацией турецкой национальной валюты³¹.

Задача также осложняется тем, что в условиях западных санкций компаниям и операторам будет непросто получить финансирование и доступ к необходимым технологиям; вероятны препоны по ходу строительства. Если же данные вопросы удастся решить, то в случае запуска газопровода могут возникнуть сложности с его техническим обслуживанием и покупкой запасных частей, а также проблемы, связанные с (не)соответствием продаваемого газа нормам ЕС и с сертификации операций по его продаже.

Учитывая приверженность государств-членов стратегии *REPowerEU*³², которая содержит цель отказаться от российского газа к концу 2027 г., перспективы его реэкспорта из Турции остаются неопределенными. В этой связи Турция стремится диверсифицировать источники закупок, чтобы не впасть в зависимость от одного поставщика. При обсуждении создания «газового хаба» в Турции выдвигалось предложение смешивать российский газ с углеводородами из Азербайджана, Ирана и Ирака³³. Впрочем, принимая во внимание беспрецедентное санкционное давление ЕС на Россию и в целом откровенно недружественное отношение к ней, его практическая реализация вызывает сомнения в силу непредсказуемости реакции европейских покупателей.

Что касается нефти, в 2022 г. Турция стала третьим по величине направлением российского экспорта после Китая и Индии³⁴.

Заключение

Взаимодействие России и ЕС в области торговли энергоресурсами характеризуется двусторонней зависимостью, что предопределяет амбивалентную природу санкционной политики объединения в отношении российского ТЭК. С одной стороны, Европейский союз заявляет о стремлении обеспечить энергетическую безопасность, подразумевая отказ от импорта энергоносителей из России. В результате сотрудничество с ней секьюритизируется (Кавешников, 2015), что служит объяснением тому, почему вообще политика объединения затронула столь чувствительную сферу. С другой стороны, принимая ограничительные меры на наднациональном уровне, ЕС соизмеряет их целесообразность с прагматическим интересом.

³¹ По данным Центрального банка Турецкой Республики.

³² *The European Commission* (2022) *REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1511 (accessed 8 October 2024).

³³ R. Soyulu. (2022) Could Turkey become a gas hub for Europe? *Middle East Eye*, 13 November. Available at: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-gas-hub-europe-could-become> (accessed 9 October 2024).

³⁴ *S&P Global* (2024) Global oil flow tracker. Available at: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/072122-interactive-global-flow-tracker-recording-changes-russian-oil-exports> (accessed 8 October 2024).

Так, до 2022 г. ограничительные меры касались преимущественно проектов, связанных с производством более дорогих нефтяных ресурсов – арктических, глубоководных и сланцевых. Санкционная волна, инициированная ЕС в феврале 2022 г., сопровождалась принятием серии пакетов, которые предусматривали запрет на импорт российского угля, а также на продажу, поставку, передачу и экспорт в Россию определенных товаров и технологий, используемых в процессе нефтепереработки. Кульминацией данной политики стало введение предельной цены на российскую нефть. Апробация этой «санкционной инновации» стала возможной потому, что торговля нефтью в отличие от торговли газом не являлась для ЕС сферой тесного взаимодействия с Россией.

Введенные меры, а также применение практики вторичных санкций ЕС оказали влияние на мировой энергетический рынок, уже определились бенефициары последствий санкционной политики. С целью адаптироваться к новым реалиям Россия переориентировала основные торговые потоки топливно-энергетических ресурсов в Индию и Китай, что позволило предотвратить колоссальное сокращение продаж российской нефти и нивелировать угрозу коллапса российского ТЭК, которого, вероятно, ожидали многие. Следует, однако, учитывать, что подобный маневр стал возможен за счет предоставления значительного дисконта новым покупателям, что влечет за собой риск снижения конкурентоспособности российской продукции обрабатывающей промышленности (стали, проката, труб, алюминия, меди, удобрений, шин для автомобилей, нефтепродуктов, продовольственных и сельскохозяйственных товаров).

При этом предоставляемые Россией скидки и отсрочки, а также рост текущих объемов поставок не являются гарантией того, что в долгосрочной перспективе новые направления сбыта – Индия, Китай и Турция – станут основой географической структуры экспорта продукции российского ТЭК. Поскольку государства, которые на официальном уровне не присоединились к западным санкциям, под угрозой применения вторичных санкций соблюдают установленные Западом правила торговли (в частности, «потолок» цен на нефть), многое будет зависеть от общего геополитического и политико-экономического фона. Коммуникация с покупателями в значительной степени определяется тем обстоятельством, что российская сторона находится в заведомо уязвимой переговорной позиции, поскольку российский ТЭК объективно зависит от экспорта.

Таким образом, в краткосрочной перспективе российской нефтяной отрасли удалось купировать риски критического падения экспорта. Вместе с тем в долгосрочной перспективе, вероятно, потребуются искать новые рынки и способы адаптации ввиду необходимости поддержания конкурентоспособности собственной продукции, а также тренда на снижение углеродоемкости мировой экономики.

Одним из способов обеспечения некоей гарантии продолжения поставок в Индию и Китай может стать расширение взаимной торговли в части наращивания Россией импорта продукции, производимой в этих странах. При этом следует учитывать интересы российских производителей: экспансия китайских товаров в целом ряде отраслей способна нанести существенный ущерб отечественной промышленности. Работа по укреплению сотрудничества с Дели может проводиться в рамках переговорного процесса по созданию ЗСТ между Индией и ЕАЭС; одновременно следует рассмотреть вопрос балансирования торговли в национальных валютах. Поиск иных способов адаптации российской нефтяной отрасли к новым реалиям в средне- и долгосрочной перспективах открывает возможности для будущих исследований.

Список литературы

1. Боровский Ю.В. (2023a) Россия и Евросоюз: смена тренда в энергетических отношениях. *Российский социально-гуманитарный журнал* (3). DOI: 10.18384/2224-0209-2023-3-1323.
2. Боровский Ю.В. (2023b) Чем движим Запад в своей энергетической политике? *Международные процессы* 21(1): 189–211. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.4.
3. Боровский Ю.В., Шишкина О.В. (2022) Энергетическая политика ЕС и ее движущие силы. *Полис. Политические исследования* (3): 67–79. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.06.
4. Голубчик А.В., Пак Е.В. (2023) Российский экспорт нефти и «ценовой потолок»: адаптация возможна. *Российский внешнеэкономический вестник* (1): 56–63. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-1-56-63.
5. Кавешников Н.Ю. (2011) Многоликая энергетическая безопасность. *Международная жизнь* (12): 88–103.
6. Кавешников Н.Ю. (2015) Энергетический союз ЕС как ответ на «российский вызов». *Институт Европы РАН. Аналитическая записка № 25*.
7. Потемкина О.Ю., Кавешников Н.Ю., Кондратьева Н.Б. (2012) *Европейский Союз в XXI веке: время испытаний*. М.: Весь мир.
8. Сидорова Е.А. (2016) Энергетика России под санкциями Запада. *Международные процессы* 14(1): 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11.
9. Тимофеев И.Н. (2018) Экономические санкции как политическое понятие. *Вестник МГИМО-Университета* 2(59): 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.
10. Юдина О.Н. (2022) Энергетический диалог Россия-ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия, результаты. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика* (2): 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75.
11. Batzella F. (2024) Slowly but surely? Assessing EU actorness in energy sanctions against Russia. *Energy Policy* 192. DOI: 10.1016/j.enpol.2024.114233.
12. Casier T. (2011) The Rise of energy to the Top of the EU-Russia Agenda: from interdependence to dependence? *Geopolitics* 16(3): 536–552.
13. Giumelli F. (2017). The redistributive impact of restrictive measures on EU members: Winners and losers from imposing sanctions on Russia. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 55(5): 1062–1080. DOI: 10.1111/jcms.12548.
14. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. (2021) The when, what, where and why of European Union sanctions. *European Security* 30(1): 1–23.
15. Goldthau A., Sitter N. (2015) *A Liberal Actor in a Realist World: the European Union Regulatory State and the Global Political Economy of Energy*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press.

16. Imbs J., Pauwels L. (2023) *An Empirical Approximation of the Effects of Trade Sanctions with an Application to Russia*. DOI: 10.2139/ssrn.4396080.
17. Nguyen D.H., Khominich I.P. (2024) Financial performance of EU-27 fossil fuel companies and their counterparts after imposing energy sanctions on Russia: A comparative analysis. *Russian Journal of Economics* 10(2): 190–210. DOI: 10.32609/j.ruje.10.124364.
18. Portela C., Pospieszna P., Skrzypczyńska J., Walentek D. (2021) Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia. *Journal of European Integration* 43(6): 683–699.
19. Prontera A. (2017) *The New Politics of Energy Security in the European Union and beyond: States, Markets, Institutions*. 1st ed. Routledge. DOI: 10.4324/9781315555126.
20. Schmidt-Felzmann A. (2019) Negotiating at cross purposes: Conflicts and continuity in the EU's trade and energy relations with Russia, pre- and post-2014. *Journal of European Public Policy* 26(12): 1900–1916. DOI: 10.1080/13501763.2019.1678057.
21. Siddi M., Kustova I. (2021) From a liberal to a strategic actor: the evolution of the EU's approach to international energy governance. *Journal of European Public Policy* 28(7): 1076–1094. DOI: 10.1080/13501763.2021.1918219.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-11

IMPACT OF EU ANTI-RUSSIAN SANCTIONS ON ENERGY TRADE BETWEEN RUSSIA AND ITS KEY PARTNERS

Svetlana I. BALAKHONOVA – Junior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0009-0009-2857-4405. E-mail: s.balakhonova@inno.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Ekaterina S. KNYAZKINA – Junior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0009-0003-4709-8949. E-mail: e.s.knyazkina@yandex.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Dr. Ekaterina Ya. ARAPOVA – Leading Research Fellow, Institute for International Studies; Deputy Dean, School of International Relations, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-8765-9825. E-mail: arapovakatrin@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 22, 2024

Accepted September 16, 2024

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the grant of the Institute for International Studies, MGIMO University, project No. 2025-04-06.

Abstract: The EU sanctions have targeted Russian energy industry since 2014. Since February 2022, the European Union has imposed a series of unprecedented restrictions affecting Russian fuel trade, a highly sensitive area for both sides, each having a pragmatic interest hereinunder. Energy price cap established in 2022 became the climax of the EU' sanctions policy against the

Russian fuel and energy complex, making it one of the toughest measures in the history of the EU's anti-Russian energy restrictions. In order to adapt to the new realities, the export directions of the Russian oil industry were reoriented from Europe to Asia. A number of domestic and foreign researchers have focused on the EU' sanctions policy against the Russian fuel and energy industry, assessing its impact on the global energy market. At the same time, some issues remain insufficiently studied, including the effectiveness of the Russian adaptation strategy, as well as the impact of this strategy on Russia's key trading partners. The purpose of this study is to identify the impact of the EU' sanctions against the Russian fuel and energy complex on energy trade between Russia and its main counterparts; to reflect the current trends in Russia's energy trade relations with China, India and Turkey; to assess the effectiveness of Russia's strategy tailored to adapt to the EU' restrictions in this area; and to evaluate the effectiveness of this strategy. The research shows that in the short term, the domestic oil industry has managed to promptly respond to the challenges that arose, which was possible due to significant discounts provided to the new partners. While Russian economy was trying to adapt to the current conditions in the global energy market, using the aforementioned strategy, key beneficiaries of the EU' sanctions policy were clearly identified, including India, China and Turkey.

Keywords: sanctions policy, energy sanctions, fuel and energy industry, energy trade, Russia, EU, China, India, Turkey

References:

1. Batzella F. (2024) Slowly but surely? Assessing EU actorness in energy sanctions against Russia. *Energy Policy* 192. DOI: 10.1016/j.enpol.2024.114233.
2. Borovskii Yu.V. (2023a) Rossiia i Evrosoiuz: smena trenda v energeticheskikh otnosheniakh [Russia and the EU: a trend change in energy relations]. *Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal [Russian social and humanitarian journal]* (3). DOI: 10.18384/2224-0209-2023-3-1323. (In Russian).
3. Borovsky Yu. (2023b) Chem dvizhim Zapad v svoei energeticheskoi politike? [What drives the West in its energy policy?]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]* 21(1): 189–211. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.4. (In Russian).
4. Borovsky Yu.V., Shishkina O.V. (2022) Energeticheskaiia politika ES i ee dvizhushchie sily [The EU's energy policy and its driving forces]. *Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]* (3): 67–79. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.06. (In Russian).
5. Casier T. (2011) The Rise of energy to the Top of the EU–Russia Agenda: from interdependence to dependence? *Geopolitics* 16(3): 536–552.
6. Giumelli F. (2017) The redistributive impact of restrictive measures on EU members: Winners and losers from imposing sanctions on Russia. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 55(5): 1062–1080. DOI: 10.1111/jcms.12548.
7. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. (2021) The when, what, where and why of European Union sanctions. *European Security* 30(1): 1–23.
8. Goldthau A., Sitter N. (2015) *A Liberal Actor in a Realist World: the European Union Regulatory State and the Global Political Economy of Energy*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press.
9. Golubchik A.V., Pak E.V. (2023) Rossiiskii eksport nefti i «tsenovoi potolok»: adaptatsiia vozmozhna [Russia's Oil Exports and the Price Cap: One Can Adapt]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]* (1): 56–63. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-1-56-63. (In Russian).
10. Imbs J., Pauwels L. (2023) *An Empirical Approximation of the Effects of Trade Sanctions with an Application to Russia*. DOI: 10.2139/ssrn.4396080.

11. Kaveshnikov N.Yu. (2011) Mnogolikaia energeticheskaia bezopasnost' [The multifaceted energy security]. *Mezhdunarodnaia zhizn' [International Affairs]* (12): 88–103. (In Russian).
12. Kaveshnikov N.Yu. (2015) Energeticheskii soiuz ES kak otvet na «rossiiskii vyzov» [EU Energy Union as a response to the "Russian challenge"]. *Institut Evropy RAN. Analiticheskaiia zapiska [Institute of Europe RAS. Analytical note]* №25. (In Russian).
13. Nguyen D.H., Khominich I.P. (2024) Financial performance of EU-27 fossil fuel companies and their counterparts after imposing energy sanctions on Russia: A comparative analysis. *Russian Journal of Economics* 10(2): 190–210. DOI: 10.32609/j.ruje.10.124364.
14. Portela C., Pospieszna P., Skrzypczyńska J., Walentek D. (2021) Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia. *Journal of European Integration* 43(6): 683–699.
15. Potemkina O.I., Kaveshnikov N.I., Kondrat'eva N.B. (2012) *Evropeiskii Soiuz v XXI veke: vremia ispytaniia [The European Union in the 21st Century: A Time of Trials]*. Moscow: Ves' mir. (In Russian).
16. Prontera A. (2017) *The New Politics of Energy Security in the European Union and beyond: States, Markets, Institutions*. 1st ed. Routledge. DOI: 10.4324/9781315555126.
17. Schmidt-Felzmann A. (2019) Negotiating at cross purposes: Conflicts and continuity in the EU's trade and energy relations with Russia, pre- and post-2014. *Journal of European Public Policy* 26(12): 1900–1916. DOI: 10.1080/13501763.2019.1678057.
18. Siddi M., Kustova I. (2021) From a liberal to a strategic actor: the evolution of the EU's approach to international energy governance. *Journal of European Public Policy* 28(7): 1076–1094. DOI: 10.1080/13501763.2021.1918219.
19. Sidorova E.A. (2016) Energetika Rossii pod sanktsiiami Zapada [Russian energy industry under the Western sanctions]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]* 14(1): 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11. (In Russian).
20. Timofeev I.N. (2018) Ekonomicheskie sanktsii kak politicheskoe poniatie [Economic sanctions as a concept of power politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 2(59): 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42. (In Russian).
21. Yudina O.N. (2022) Energeticheskii dialog Rossiia-ES v 2000–2014 gg.: kliuchevye priority, etapy, protivorechiia, rezul'taty [Russia–EU energy dialogue in 2000–2014: key priorities, stages, contradictions, and outcomes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika [Moscow University Bulletin of World Politics]* (2): 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75. (In Russian).